

Реформирование оборонного комплекса России*

© В.Н.Рассадин, 2000

Выработка оборонной концепции и системы мер по реформированию армии и военно-промышленного комплекса обсуждается без малого десять лет. В данной работе сделана попытка описать те факторы, которые действуют на оборонный комплекс страны независимо от его внутреннего состояния.

Появление совершенно новой формы интеграции силовых структур России по территориальным округам с приоритетом тех родов войск, которые определяются видом предполагаемого или уже имеющегося противостояния, требует и нового подхода к военной реформе. Так, при конфликте в приграничной зоне все переходят в подчинение к командованию пограничных войск, если конфликт несет террористический характер – к командованию МВД и т.д. Как следствие уже не только перед армией, а перед всеми силовыми структурами государства возникают задачи:

- накрытия «колпаком» определенной части территории страны;

- борьбы с субъектами угроз внутри этой территории, в худшем случае на ее границах (еще хуже – за ее пределами);

- и, наконец, обеспечения национальных интересов в любой точке земного шара.

Последнее носит весьма проблематичный характер. Существует мнение, что наше участие в балканском и персидском конфликтах зависело, прежде всего, от тех решений, которые принимали США и НАТО. Да и в рамках СНГ мы в подобных ситуациях не опираемся на консолидированные вооруженные силы его членов. Россия практически не имеет ни реальных, ни потенциальных стратегически значимых военных союзников, как впрочем и врагов, способ-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 00-02-00174а.

ных осуществить против нее широкомасштабную вооруженную агрессию. Страны Западной Европы и США, виртуально выиграв холодную войну, вряд ли позволят себе это. Слишком велика наша финансовая зависимость от них и слишком непредсказуемо наше поведение в случае силового конфликта.

Из сказанного напрашивается вывод, что в обозримой перспективе (10-15 лет) оборонная доктрина России должна сориентировать всю систему безопасности на решение внутренних проблем, на сохранение государственной целостности. Распад нашей страны на три самостоятельные части, о чем так мечтал Бжезинский, с большой долей вероятности приведет к широкомасштабным конфликтам, так как производственно-хозяйственная ориентация Центра, Сибири и Дальнего Востока сильно взаимосвязана (еще сильнее, чем у бывших республик Советского Союза). К этому следует добавить и те неформальные связи населения субъектов Российской Федерации, которые возникли в результате смешения региональных популяций на великих стройках и в погоне за северными надбавками к зарплате.

Ряд исследователей, занимающихся проблемами обороны, считает, что при разработке военной реформы необходимо опираться на долгосрочные прогнозы развития не только России, но и мира в целом. Предполагается, что, определив будущие глобальные структуры и доминирующие интересы, контуры международных отношений, технологическое лицо мира, можно строить концепцию национальной безопасности и военную доктрину. Это было бы так, если бы «рыночные» преобразования в стране (либерализа-

ция цен, приватизация имущества и т.д.) шли параллельно и согласованно с военной реформой и мягким вхождением в мировое экономическое пространство. К сожалению, здесь у нас имела место неувязка. В результате в последние 8 лет ВПК, базовые отрасли промышленности, физическое и нравственное здоровье населения и т.п. теряют потенциал позитивного развития. О какой национальной безопасности может идти речь, если у нас почти полностью исчезла отечественная продукция средств связи, и большинство информационных отраслевых, функциональных и региональных структур в своей материальной основе базируются на импортных технике и программном обеспечении.

Сегодня стратегия развития России как некая целеполагающая и единая установка всех ветвей власти отсутствует. Более того, даже затруднительно выделить те области общественной жизни, которые не зависят от экономического, финансового, культурного и т.п. воздействия внешних сил. Поэтому, по моему мнению, в настоящее время принятие самостоятельного политического решения о военно-техническом сотрудничестве с ведущими западными странами не имеет под собой объективной основы, да вдобавок может иметь крайне негативные последствия для ВПК России.

В свое время ВПК, как представляется, сыграл огромную отрицательную роль в экономике СССР. Это не в последнюю очередь было связано с тем, что Министерство обороны не имело прямого отношения к финансированию производства вооружений и военной техники (ВВТ). Оно получало то, что передавало ему военное производство, а перспективы определяли оборонные НИ-ОКР, которые, к сожалению, больше несли в

себе идеологический характер, нежели отвечали принципам оборонной достаточности. С другой стороны, не накладывалось жестких бюджетных ограничений на ресурсное обеспечение военных производств и НИ-ОКР. Сейчас ситуация резко изменилась, но не из-за того, что существует действенный контроль над научно-техническим состоянием ВВТ, а просто нет средств для обеспечения их производства в объеме, превышающем 5% от уровня 1990 г. Эта доподлинно известно и нашим зарубежным оппонентам (или партнерам?).

Механизм финансирования ВПК в СССР также не был секретом за его пределами, что, весьма вероятно, позволяло частично управлять им извне. Это – одна из причин нашего проигрыша в холодной войне. Так, ситуации, спровоцированные вокруг Чехословакии и Афганистана¹, повлияли на резкий рост производства ВВТ в СССР, ускорение его экономического краха и развала системы социализма. Кроме того, по закрытым информационным каналам внутри США распространялись сведения о небывалой социальной стабильности социалистического блока. Эта информация регулярно поступала в наши идеологические структуры, подкрепляя принятие неадекватных реальным ситуациям решений.

По состоянию вооруженных сил (ВС) и их обеспечению вооружением и военной техникой СССР не уступал, а в чем-то превосходил США и их западных союзников. Более 40 лет мы принимали участие (в разных формах и в различной степени) при-

мерно в 20 локальных войнах и готовы были самым решительным образом отразить широкомасштабную агрессию. Были истрочены значительные ресурсы на наше собственное вооружение и поддержку предполагаемых союзников (их долг до сих пор не погашен и равен примерно 80 млрд долл.). Несмотря на это Варшавский пакт, который казался надежным щитом от военных организаций Запада, прекратил свое существование, и в конце концов большинство его членов войдет в НАТО.

Думается, что прежде чем декларировать те или иные цели и задачи военно-экономической политики необходимо проанализировать причины этого проигрыша и сделать соответствующие выводы, так как для России холодная война еще не закончилась.

В 1976 г. на Западе (у нас в 1980 г.) был опубликован доклад Римского клуба, подготовленный группой ученых под руководством Яна Тинбергена². В нем четко изложены факторы, влияющие на рост ВВТ. К сожалению, на данный доклад у нас не обратили должного внимания, а в США еще до его открытой публикации отдельные положения этого доклада легли в основу взаимоотношений с СССР в области военно-технического соперничества. Вот основные из них:

- технический прогресс в области вооружений развивается так, словно обладает собственной движущей силой и следует внутренним законам; в результате появляются новые военные доктрины и страте-

¹ Новая и новейшая история, 1996, № 3, с.19-20, 91-95.

² Тинберген Ян. Пересмотр международного порядка, – М.: «Прогресс», 1980.

гии, встающие на пути реальной оценки имеющегося военного потенциала и его конверсии;

- военно-промышленный комплекс оказывает значительное давление на представителей политической власти и создает препятствия для установления оптимального соотношения между издержками оборонных отраслей на производство материалов и издержками оборонного сектора на производство ВВТ;

- чрезмерная секретность во всем, что касается уровня и характера текущих военных расходов, качества и боевых характеристик различных видов ВВТ, толкает противоположную сторону на принятие зачастую неоправданных мер, перерастающих в новый виток гонки вооружений. К этому же ведет умело сфабрикованная дезинформация, имеющая, как правило, гриф секретности;

- иногда новые виды и системы оружия, вне зависимости от реальной эффективности, играя только знаковую роль, способствуют усилению гонки вооружений;

- понятие национальной безопасности все чаще приравнивается к понятию военной безопасности, в силу чего с наступлением каждой новой фазы развития ядерных систем доверие между странами уменьшается; это означает, что данное оружие массового уничтожения превращается из фактора сдерживания возможного противника в фактор, разрушающий экономику страны, ставшей на путь эскалации его производства;

- военная сила и военный потенциал, в особенности обладание ядерным оружием, все еще приравниваются к атрибутам, дающим нации престиж и уважение.

По сути дела приведенные положения представляют собой рецепты по производству психовиртуальных реальностей и направлены на проверку своей и противника дееспособности и навязывание ему ответной реакции, неадекватной достигнутому уровню развития ВВТ. Так, в СССР на виртуальность ответили заменой электровакуумных устройств на полупроводниковые, созданием системы «Энергия – Буран» (совокупные расходы около 100 млрд руб. в текущих ценах соответствующих лет). В более широком плане – это ввод войск в Чехословакию, война в Афганистане.

В настоящее время осуществляется глобальная акция со стороны НАТО и США по отношению к России на уровне психотехнического давления. Последние заявления «той стороны» о возможности и необходимости быстрее принятия в НАТО республик Прибалтики явно рассчитаны на то, что мы будем наращивать свою военную мощь на западных рубежах. Может быть с «нашей стороны» было бы достаточно жеста в направлении азиатских членов СНГ по созданию собственного военного блока (ответная виртуальность).

В имеющей место сложной ситуации России, на мой взгляд, следует отказаться, правда, не декларируя этого, от глубокого реформирования нынешних ВС и постепенно переходить к построению новой армии. Это позволит избежать трансляции многих негативных процессов. Кроме того, существующая армия не может быть кардинально реформирована, поскольку представляет собой одну из самых консервативных структур, доставшихся России от СССР. Сегодня необходимо и есть возмож-

ность создать основу новой армии, причем безотносительно к тому, какие имеются к этому внутренние и внешние стратегические предпосылки. В связи с этим хотелось бы представить на рассмотрение следующие предложения:

- до сих пор никак не решается вопрос с введением альтернативной службы. Может быть, имело бы смысл в региональных центрах и крупных населенных пунктах организовать гарнизонную службу для определенной части (15-20%) местных призывников и содержать ее за счет соответствующих бюджетов. В дальнейшем по прохождению службы из нее можно сформировать контингент резервистов;

- сегодня в России имеется излишнее количество военных училищ, готовящих офицерские кадры. Наверное, есть смысл для начала на базе некоторых из них, сократив офицерский набор до уровня современных потребностей, создать одно – и двухгодичные курсы по подготовке контрактников – солдат и прапорщиков – с предстоящим обязательным сроком службы (скажем, не менее 15 лет);

- приступить к формированию воинских образований уже в училищах так, чтобы выпуск офицерского и солдатского корпуса представлял собой единое подразделение (взвод, рота), и заменять ими постепенно по регионам действующие воинские части, подбор личного состава в которых не имеет сейчас никакого целенаправленного начала;

- осуществить формирование воинских соединений по принципам землячества, что, может быть, позволит бороться с проявлениями «дедовщины». Министерство обороны уже экспериментирует в этом

направлении, создавая опытным порядком Тверской полк.

Реализация названных мер, как представляется, могла бы позволить к 2005 г. сменить в армии весь офицерский корпус и довести численность армии до 600-650 тыс. человек.

Кроме того, в военно-промышленном комплексе необходимо требуется провести селекцию оборонных НИОКР и определить, что из перспективных ВВТ может быть запущено в производство через 10 лет и что для этого нужно сделать, а пока ограничиться использованием того, что имеется. Далее, следует определить круг заводов, которые подлежат сохранению в рабочем состоянии и должны составить промышленное ядро оборонного комплекса России. Речь идет о структурах, на которых технологии производства ВВТ не могут быть конверсированы, они должны иметь статус либо казенных, либо государственных предприятий. Это связано с тем, что в отличие от США в СССР ВПК формировался как обособленный промышленный анклав и отраслевая многофункциональность ему не свойственна.

Льготное бюджетное кредитование конверсии следует осуществлять только для тех предприятий, которые имеют государственные контракты на создание гражданской продукции на основе двойных технологий. Остальные конверсионные кредиты должны выделяться на коммерческой основе через венчурные фонды и финансовые компании. Правда, под такую систему финансирования целесообразно создать Государственный страховой фонд, и отменить налоги на внедрение «ноу-хау» до стадии рыночной окупаемости производимой продукции.